

Василий Николаевич Лешков и его теория «общественного права» как попытка альтернативы «полицейскому праву»*

Андрей Тесля

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии
социально-гуманитарного факультета Тихоокеанского национального университета
Адрес: ул. Тихоокеанская, д. 136, Хабаровск, Российская Федерация 680035
E-mail: mestr81@gmail.com

Профессор Московского университета В. Н. Лешков в конце 1850-х создал теорию «общественного права», мысля ее как альтернативу существующему «полицейскому праву», стремясь выйти за пределы дихотомии частного/публичного права и выстраивая (вслед за германскими юристами) триадическое деление на право гражданское, общественное и государственное. Это позволило ему теоретически выйти из отождествления «публичного» и «политического» (*polis'*ного), определить область «общественного права» как «основу для самоуправления» и одновременно совместимость местного самоуправления с самодержавием (за счет разведения неполитической и политической публичности). О популярности взглядов Лешкова в конце 1850-х — начале 1860-х годов свидетельствует, в частности, его публикационная активность во влиятельных изданиях («Русский Вестник», «Русская Беседа», «День» и т. д.). В научном плане они вписываются в неопределенную на тот момент в российских университетах дисциплинарную область «полицейское право». Ситуация быстро меняется с начала 1870-х, когда происходит доктринальное и институциональное оформление «полицейского права» в рамках концептуальной модели, разработанной И. Е. Андреевским, полемика с которым Лешкова анализируется в статье для раскрытия воззрений обеих сторон. В результате к 1890–1910-м годам взгляды Лешкова постепенно маргинализируются, что прослеживается по материалам учебных пособий.

Ключевые слова: общественное право, политическое, полицейское право, публичное, самоуправление, частное.

Теория «общественного права» Василия Николаевича Лешкова, как и фигура ее автора, в свое время весьма известного, многолетнего декана юридического факультета Московского университета, редактора одного из ведущих русских юридических журналов, председателя Московского юридического общества, не столько забыта (о забвении не позволяют говорить переиздания его основного труда: Лешков, 2004, 2010), сколько практически исключена из истории полицейского права в России и истории отечественной юриспруденции. В предисловии к сбор-

© Тесля А. А., 2015

© Центр фундаментальной социологии, 2015

* Исследование выполнено при поддержке гранта Президента РФ № МК-5033.2015.6 «Формирование украинского национализма: между Польшей и Москвой (1840–1900-е гг.)».

нику по истории российского полицейского права Лешков упоминается (в числе других «ранних» авторов), однако содержательно история данной дисциплины открывается Андреевским (Старилов, 1999), т. е. Лешкову отводится место в «предыстории». На наш взгляд, подобное положение вещей закономерно и справедливо, но именно в этой перспективе возникает интерес к его теории и дебатам, результатом которых стала «маргинализация».

Карьера

В автобиографической заметке, помещенной в юбилейном «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского Московского университета», Лешков писал:

«Родился 2-го Августа 1810 г., Черниговской губернии, Стародубского уезда, в селе Медведове, где и учился грамоте и письму, Священной истории и первым правилам Арифметики, а в 1820 г. был отправлен в Черниговское духовное уездное училище. В 1825 году переведен в Семинарию, в 1829 году окончил курс Философии или среднего отделения, и тогда же помещен в Главный Педагогический Институт» (Шевырев, 1855: 455–456).

Главный педагогический институт был восстановлен в Петербурге лишь за год до поступления в него Лешкова¹ и из-за нехватки слушателей туда не только охотно принимались, но и непосредственно командировались семинаристы. Лешков перечисляет пройденные им предметы — сначала гимназического курса, а после — по избранному им философско-юридическому факультету, однако особую важность придает командированию в числе прочих юристов в Берлин. Здесь он

«выслушал курс лекций Савиньи об институтах, о древностях Римского Права, и о пандектах, у Кленце о Праве Естественном и об Истории Римского права, у Геффтера об Уголовном Праве, у Ганса об Уголовном и Общеправном, у Гомейера о Немецком праве и Прусском Ландрехте, у Рёстеля о Каноническом праве, у Раумера о Всеобщей истории. Кроме того, посещал лекции Гельвига о Политической Экономии, Риттера о Географии, Ранке об Истории и др.» (Шевырев, 1855: 456)².

1. В 1819 году на основе Главного Педагогического института был образован Санкт-Петербургский университет, однако опыт ликвидации высшего специального учебного заведения, предназначенного для подготовки учителей, был сочтен неудачным, и в рамках общей тенденции университетских преобразований времен Николая I с их предпочтением специальных учебных заведений заведениям «общего плана» институт был восстановлен и просуществовал вплоть до 1858 года.

2. Общий план берлинской стажировки для юристов был отработан уже ранее — в 1829-м и последующих годах в рамках командирования в Берлинский университет от II Отделения С.Е.И.В. Канцелярии (см.: Петров, 2003: 41–42).

Из профессоров, преподававших ему юридические дисциплины в Главном педагогическом институте, Лешков называл (Шевырев, 1855: 456) Штёкгардта³ (история и система римского права), б. Врангеля⁴ (история и система русского права) и Бессера (политическая экономия), также упоминая прослушанные им курсы русской словесности (П. А. Плетнев) и русской истории (Н. Г. Устрялов). После двухлетнего пребывания в Берлине «желание познакомиться с Университетом Лейпцигским, с учеными Праги и преподаванием в Вене вызвало Лешкова в эти города» (Шевырев, 1855: 456–457). В Праге он повстречался, в частности, с О. М. Бодянским (чья научная биография на начальных этапах весьма схожа с лешковской (см.: Василенко, 1904), писавшим М. П. Погодину 12(24) апреля 1838 года: «На днях приехали сюда два из воспитанников Педаг[огического] Инст[итута], Лешков (по правам) и Лукьянович⁵ (по классич. лит.), учившиеся в Берлин[ском] Ун[иверситете] и теперь пробирающиеся в Вену, где, между прочим, думают немножко позаниматься Чешским Сербским языком: давай Бог поболее охотников» (Попов, ред., 1879: 45).

3. Штёкгардт Юлий Андреевич (Heinrich Robert Stöckhardt, 1802–1848) — доктор (1824) и приват-доцент (1826) Лейпцигского университета, с 1831 года — профессор римского права и энциклопедии права в Главном педагогическом институте, с 1835 года — в Императорском училище правоведения. В. В. Стасов, окончивший Училище правоведения, вспоминал, «как профессор Штёкгардт, маленький рыжий немец (должно быть, из жидов), в безысходном белом галстуке и с Анной на шее, вместо того, чтобы идти домой, сидит после классов в „музыкальной комнате“, один, в темноте, и с энтузиазмом немецкого дилетанта часа полтора-два импровизирует на фортепиано» (Стасов, 1952: 348).

4. Врангель Егор Васильевич, барон (Georg Gustav Ludwig von Wrangel, 1784–1841) — из остзейского дворянства, окончил Дерптский университет (затем обучался в Виттенбергском и Гейдельбергском университетах), служил в Комиссии составления законов, в 1809 году — назначен в Казанский университет, с 1811 года — экстраординарный, с 1815 года — ординарный профессор. В 1819 году уволен со службы по ревизии Казанского университета М. Л. Магницким; с 1820 года — профессор Санкт-Петербургского университета, в дальнейшем преподавал также в Главном педагогическом институте, Царскосельском лицее, с 1835 года — инспектор Императорского училища правоведения; преподавал гражданское право цесаревичу Александру Александровичу (Татищев, 1996: 81). В. В. Стасов вспоминал о нем: «Инспектором у нас был барон Врангель, бывший до того профессором права в Царскосельском лицее, — человек добрый и хороший, но совершенно ничтожный, и особенно вследствие полнейшей своей бесхарактерности. Раза два, в мое время, он вздумал было рассердиться и раскричаться на кого-то из воспитанников, конечно, считая обязанностью своею показать свою власть и значение, но произвел эту эволюцию, как всегда бывает у слабых и бесхарактерных людей, вдруг только вошедших в азарт, совершенно нескладно и невпопад, так что всех только насмешил, и надолго. Впрочем, его довольно любили и даже уважали, и когда в залах или в котором-нибудь классе появлялась его длинная селедкообразная старая фигура, в мундире и золотых очках, она не производила на нас ровно никакого эффекта, исключая тех первых дней месяца, когда он приходил читать нам баллы и „средние выводы“ за прошедший месяц» (Стасов, 1952: 306).

5. Лукьянович Семен Семенович (1809–1860) — выпускник историко-филологического факультета Главного педагогического института (СПб). После завершения заграничной командировки назначен на кафедру римской словесности и древностей Харьковского университета. «Выходец из среды духовенства Черниговской губ[ернии], Лукьянович <...> сдал в 1840 г. докторские экзамены, а в 1842 г. с трудом защитив докторскую диссертацию, <...> трижды баллотировался на Совете университета на звание ординарного профессора и прошел лишь с третьей попытки. За двадцать лет работы в Харьковском университете Лукьянович опубликовал три небольшие статьи...». Невысокое мнение о Лукьяновиче в первые годы его преподавания высказывал и попечитель Харьковского учебного округа гр. Ю.А. Головкин в письмах к С.С. Уварову (Петров, 2003: 366).

Примечательно внимание Лешкова к «славянской» проблематике. Это первый заметный след появления новых, не вытекающих непосредственно из выбранной им учебной и ученой специализации интересов, связанных с общим интересом к славянскому вопросу, в том числе и на официальном уровне. По возвращении в Петербург и успешном прочтении в Академии наук (в присутствии министра народного просвещения С. С. Уварова) пробной лекции Лешков получил назначение адъюнктом на юридический факультет Московского университета, где ему была поручена кафедра «народного права» (*jus gentium*), по каковой он и защитил докторскую диссертацию «О морском торговом нейтралитете» (1841; см.: Лешков, 1841). В следующем году был избран на должность экстраординарного профессора по той же кафедре, а в 1843 г. переведен на кафедру Законов Государственного Благоустройства и Благочиния⁶ (которая позднее по Уставу 1863 года была переименована в кафедру Полицейского права) «с обязанностью продолжать чтения по кафедре Народного права до замещения оной отдельным преподавателем» (Шевырев, 1855: 457). В 1845-м был избран на должность ординарного профессора. С декабря 1840-го до января 1842 г. Лешков служил также секретарем при Московском цензурном комитете, в 1847 г. был принят туда на должность цензора, с которой уволен «за реформой, 1850 г. ноября 17-го... с изъявлением благодарности Начальства» (Шевырев, 1855: 458).

С начала 1840-х Лешков сотрудничал в «Москвитянине» и оставался активным автором журнала вплоть до прекращения его издания в 1856 г. Пик активности приходится на вторую половину 1850-х — начало 1860-х, когда он публикуется в «Русском Вестнике», «Русской Беседе», «Молве», «Дне» и др. Выбор журналов характеризует идейную позицию Лешкова: он тяготеет к славянофильским изданиям, которые ценят его как близкого по взглядам и полезного сотрудника с точки зрения общественной репутации и авторитета. Примечательным примером взаимодействия славянофилов и Лешкова могут служить публикации в первой половине 1862 г. серии статей — сначала принадлежащих Лешкову и посвященных обоснованию и разъяснению идеи «общества» и «общественного права», а затем статей И. С. Аксакова (см. подробнее: Тесля, 2015: 297–298). В дальнейшем публицистическая активность Лешкова заметно снижается, но в 1871–1873 гг. он оказывается в числе постоянных авторов «Беседы», издаваемой А. И. Кошелевым.

В 1863 г. Лешков был избран деканом юридического факультета. Среди коллег он пользовался хорошей репутацией как человек, но его научные заслуги представляли собой предмет куда более спорный. Б. Н. Чичерин так характеризовал Лешкова: «Это был человек мягкий и добрый, но глупый и бездарный. Еще будучи студентами, мы смеялись над ним, когда он читал нам полицейское и международное право, а с тех пор, под влиянием славянофильских идей, превратившихся в его мутной голове в невообразимый хаос, он изобрел собственную свою науку, общественное право, которую и читал в университете, как плод русской мыс-

6. В связи с вступлением на кафедру им была прочитана лекция «О том, что такое Полиция, или О законах Государственного Благоустройства» (напечатанная затем в «Москвитянине» за 1843 г., № 5).

ли. Трудно себе представить, какая это была изумительная чепуха. Студенты на смех приносили иногда нам его тетради, и мы смеялись не меньше их, но так как этот бесконечный вздор приправлялся патриотическими и либеральными фразами, то были молодые умы, на которые это действовало. Для всякого человека, имеющего смысл и дорожающего пользою университета, было ясно, что терпеть в университете подобное преподавание было невозможно» (Чичерин, 2010: 129). В 1866 г. Лешков стал формальной причиной одного из самых крупных скандалов в истории Московского университета: по истечении выслуженного им 25-летия он подлежал перебаллотировке (вместе с А. И. Меншиковым, профессором классической филологии). Для избрания на новое пятилетие требовалось квалифицированное большинство в две трети голосов. Меншиков при голосовании не набрал и простого большинства, и вопрос с ним тем самым решился. При голосовании по кандидатуре Лешкова за него было отдано 25 голосов, против — 13, т. е. для прохождения не хватило одного голоса. Ситуация оказалась спорной в силу того, что перед голосованием были представлены письменные заявления Меншикова и Лешкова о передаче своих голосов коллегам (О. М. Бодянскому и И. Д. Беляеву соответственно), сами же баллотируемые профессора отсутствовали. Чичерин заявил о неправомерности подачи голосов Меншиковым и Лешковым, срок их службы закончился и они, следовательно, не являются на момент голосования членами Совета. Чичерин вспоминал: «Ректор согласился с моим замечанием, которое очевидно было юридически правильно, и Совет единогласно устранил оба шара» (Чичерин, 2010: 129). Возник вопрос о правомерности решения Совета — поскольку признание действительности отведенных голосов давало бы требуемое большинство Лешкову.

Совет, проголосовав в январе 1866 г. относительно кандидатуры Лешкова и приняв отрицательное решение, приступил к выборам декана, должность которого оказалась свободной по причине непереизбрания Лешкова: на этот пост был избран Чичерин. Примечательно, что в написанных гораздо позднее «Воспоминаниях» Чичерин признает, что последующие действия были инициированы не Лешковым, а его друзьями — тем большинством Совета, которое никак не ожидало подобного результата выборов. По их инициативе Лешков обратился в Совет с письмом, в котором ставил вопрос о правомерности устранения его голоса и голоса Меншикова. Совет рассмотрел его на следующем заседании и решил (теперь уже простым большинством голосов) обратиться к начальству — дело пошло на рассмотрение попечителя (Д. С. Левшина), а от него к министру (А. Н. Головнину). Последний запросил Бодянского, «куда бы он положил шар [Меншикова], если бы он был допущен до баллотировки. Бодянский отвечал, что он положил бы направо. На этом основании министр народного просвещения А. В. Головнин собственною властью причислил шар Меншикова к положенным в ящик 25 белым шарам и утвердил Лешкова на новое пятилетие» (Чичерин, 2010: 131). Последовавший за этим масштабный скандал — выступление группы профессоров во главе с Ф. М. Дмитриевым и Б. Н. Чичериным с протестом, бурные споры в Совете, обра-

щения в министерство и т. д. выходят за пределы личной истории Лешкова, потому мы изложим их конспективно. Сочтя себя оскорбленными нарушением устава, упомянутая группа профессоров подала в отставку, известие о которой Никитенко зафиксировал в своем дневнике:

«Раут у министра народного просвещения. <...> Министр был очень озабочен известным скандальным происшествием в Московском университете. Профессора [Ф. М.] Дмитриев и [Б. Н.] Чичерин со своими приверженцами — всего семь человек — подняли настоящее восстание против ректора и совета. Университет хотел выбрать на следующее пятилетие профессора Лешкова, а те не хотели, и Чичерин написал и прочитал в совете обидную бумагу по этому поводу. Дошло дело до министра. И вот теперь лица, составляющие это меньшинство: Чичерин, Дмитриев, Соловьев, Бабст и кто-то еще — подают в отставку» (Никитенко, 1956: 73).

Примером реакции со стороны наиболее подготовленной части академической молодежи может служить письмо В. О. Ключевского, оставленного при кафедре для подготовки к профессорскому званию, к П. П. Гвоздеву — студенту историко-филологического факультета Казанского университета:

«Пишу тебе неожиданно по поводу дела, которого ты, конечно, предвидеть не мог. Пишу с стесненным сердцем, с тяжестью на душе, какую я испытывал только в самые тяжелые минуты жизни. Забудь на время все свои текущие интересы, очисти душу от ежедневных впечатлений, сделай ее белым листом, и тогда почувствуешь, сознаешь весь истинный смысл того, что я имею передать тебе. Перенесись мыслью в наш университет, припомни кое-что из говоренного тебе мною и внемли. Сол[овьев], Чич[ерин], Дмитр[иев], Кап[устин], Рачин[ский] и Бабс[т] подают в отставку вследствие гадостей, сделанных им большинством совета, и — и — одобрения этих гадостей министром. Во главе этого гадкого большинства стоят ректор, Леонтьев, Юркевич и Любимов; это самые крупные подлецы. Затем о значении этого события суди на следующих основаниях. Большинство выходящих принадлежит юрид[ическому] факультету, и после них смотри, кто остается на этом и без того бедном профессорами факультете *старейшего* русского университета: дура ректор⁷, совершенно тупой Никольский (проф[ессор] гражданского права), менее чем недалекий Беляев, да ни рыба ни мясо Мильгаузен (проф[ессор] финансового права). Филологич[еский] факультет — да нужно ли говорить, кого лишается филологический факультет? Проф[ессор] ботаники Рач[инский] — также один из самых любимых студентами. Я не передаю тебе подробностей: тяжело написать и то, что ты читаешь теперь на этом листке. Напишу — не замедлю. Дело, вероятно, получит еще развитие» (Ключевский, 1990: 254–255).

Как и предполагал Ключевский, дело получило развитие: по личному обращению государя заявления об отставке были отозваны — и в дальнейшем часть

7. Ректором Московского университета с 1863 по 1870 год был Сергей Иванович Баршев (1808–1882), профессор уголовных и полицейских законов.

участников первоначального протеста покинула университет поодиночке. Чичерин вышел в отставку в 1868 г., несмотря на уговоры М.П. Погодина, убеждавшего молодого профессора, «что честь вовсе не русское начало и дорожить ею нечего» (Чичерин, 2010: 191).

Для Лешкова история завершилась благополучно — конфликт быстро перерос характер «персонального вопроса», и о его фигуре уже мало вспоминали. Он не только был утвержден на новое пятилетие, но и вновь избран деканом юридического факультета. В должности профессора ему довелось пробыть до самой кончины, деканом он оставался до 1872 г. и вновь был избран на этот пост в 1877-м, на сей раз отправляя должность до 1880 г., когда по причине преклонных лет и начавшего ощутимо изменять здоровья вышел в отставку. В некрологе В. Гольцев писал:

«Почти сорок лет трудился покойный Василий Николаевич как профессор и как ученый. В последние два года тяжкий недуг долго держал его в постели. Но лишь только наступало сколько-нибудь значительное облегчение, престарелый профессор был уже на ногах, читал лекции в университете, вступал в оживленные прения в Юридическом Обществе. К этому надо присовокупить, что Василий Николаевич был и выдающимся земским деятелем, принимая большое участие как гласный в трудах Московского губернского земства» (Гольцев, 1881: II).

Муромцев отмечал: «С именем Василия Николаевича связаны шестнадцать лет истории Московского Юридического Общества, девять лет истории «Юридического Вестника». Шестнадцать лет он был председателем Общества, девять лет участвовал в трудах по редакции его журнала» (Муромцев, 1881: III). Временная отставка из университета побудила его основать и взять на себя редакцию «Юридической газеты», выходящей в 1866 и 1867 гг., а с 1871 года он стал редактором «Юридического вестника», первоначально вместе с А. М. Фальковским, а с 1878 года — вместе с М. М. Ковалевским и С. А. Муромцевым. Ему удалось собрать в журнале представителей достаточно разнородных взглядов, придав ему либеральный облик, который затем был упрочен С. А. Муромцевым, с 1880 г. ставшим главным редактором (Лешков вплоть до кончины занимал пост второго редактора). Мягкость, доброта и терпимость — качества, которые отмечали в нем и его оппоненты — содействовали объединению юристов и на страницах журнала, и в регулярных собраниях юридического общества. Как о преподавателе о нем сохранились характерные отзывы: «По воспоминаниям К.Д. Ушинского, сам лектор, понимая скучность собственно полицейского права, давал им тетрадки своих конспектов для подготовки к экзаменам и просил у них позволения „прочитать лекции по истории русского права“. А „добрейшим экзаменатором“ В. Н. Лешков оставался всю свою жизнь» (Каплин, 2010: 9).

Опыт создания учения об «общественном праве»

Уяснить суть воззрений Лешкова относительно утверждаемой им новой дисциплины и новой отрасли права, именуемым «общественным», затруднительно по объективным причинам. В сатирической «Оде на обед, данный ректору профессорами Московского университета», написанной Ф. М. Дмитриевым и Б. Н. Чичериным, Лешков именуется «непонятым» (Чичерин, 2010: 79). И в его текстах, когда он касается теоретических аспектов, яснее то, что вызывает его отторжение и против чего направлены его воззрения, чем позитивные формулировки, им выдвигаемые. Сам Лешков, по крайней мере отчасти, осознавал эту проблему. В своей претендующей на фундаментальный характер работе «Русский народ и государство», как явствует из подзаголовка, он занимается обоснованием «общественного права» через историю, отводя теоретическим вопросам лишь краткое введение (Лешков, 1858: 1–34). Последующие работы Лешкова, также преимущественно посвящены историческим аспектам «общественного права».

Проблема, однако, не сводится к преобладанию истории над догмой права (такой подход Лешков унаследовал от своих германских учителей), а заключается в том, что исторический материал освобождает его от необходимости ясно формулировать догму. В результате работа попадает в «порочный круг»: не будучи профессиональным историком и черпая исторический материал почти исключительно из вторичных источников, автор подбирает то, что соответствует его представлениям, достаточно свободно конструируя прошлое, в то время как сама конструкция должна быть прояснена из исторического материала. Для предубежденного наблюдателя, каким был, например, Чичерин, результат представлялся «изумительной чепухой» (Чичерин, 2010: 129), тогда как близким к славянофилам М. О. Кояловичем главный труд Лешкова не только внимательно и благосклонно разбирался, но и отмечался как имеющий «то важное для нашей науки значение, что <...> ищет основ и объяснений русских законов в историческом складе русской жизни» (Коялович, 1997: 326). А К. Н. Бестужев-Рюмин, будучи профессором в Санкт-Петербургском университете, дистанцированным от московских споров, в историографическом обзоре, касаясь трудов по истории русского права, надо полагать, с долей иронии сводит в едином перечне антагонистов:

«Из профессоров Московского университета припомним еще *Б. Н. Чичерина*, которому принадлежит замечательное, хотя и одностороннее сочинение „Областные учреждения в России XVII в.“; первое вполне осматрившее этот вопрос; *Ф. М. Дмитриева*, которым прослежена с полнотою и обстоятельностью история процесса; *И. Д. Беляева*, одного из лучших знатоков архивов; *К. П. Победоносцева*, вносящего исторический метод в гражданское право; *В. Н. Лешкова*...» (Бестужев-Рюмин, 1872: 243).

В некрологе Лешкову В. А. Гольцев (в дальнейшем многолетний редактор «Русской мысли») писал:

«В 1858 году появилось главное сочинение Василия Николаевича: „Русский народ и государство, история русского общественного права до XVIII века“. Эта книга возбудила оживленный обмен мыслей. Ее до сих пор часто цитируют и много поколений студентов Московского университета по ней знакомилась с историей нашего права, из нее научились любить народ и защищать начало самоуправления, без которого замирают народные силы. Профессор Лешков всю жизнь оставался горячим защитником общины и артели, видя в них едва ли не главную нашу национальную особенность и краеугольный камень нашего благосостояния» (Гольцев, 1881: I–II).

Гольцев справедливо увязывает политические и теоретические взгляды Лешкова — он был умеренным либералом славянофильского типа, активным сторонником земства и теоретиком его самостоятельности (Лешков, 1865), стремясь уже в работах 1850-х гг. противопоставить дихотомии частного/публичного права триадическую концепцию, включающую «общественное», позволяющую выйти, например, за пределы трактовки земства как органов государственной власти, и интерпретируя последнее как «местное самоуправление». При этом собственно в юридических своих работах он — следуя за Моллем — оказывался достаточно далек от таких славянофилов, как И. С. Аксаков или Ю. Ф. Самарин, поскольку принимал традиционное, восходящее к Аристотелю, учение о государстве как о воплощении «общего блага» и сфере смыслов: «...интересы государства состоят существенно в справедливости, в основной идее права, тогда как интересы общин и сословий имеют большею частью материальное содержание — понятие о пользе» (Лешков, 1858: 21)⁸.

Разграничение, здесь заложенное, предполагало трактовку права гражданского как исключительно сферы индивидуальных прав и интересов, тогда как «право общественное» оказывалось тождественным праву союзов — в отличие от сферы государственного права, руководимой принципами справедливости и общего блага и в силу этого получающего основания ограничивать права и притязания союзов и лиц. Пространство «общественное» предстает как радикально деполитизированное и в то же время долженствующее быть отграниченным от вторжений «политического» извне: государство именно потому, что должно быть воплощением двух фундаментальных принципов, не может регулировать отношения, являющиеся нейтральными по отношению к справедливости (как, например, до-

8. В отличие от В. Н. Лешкова, для И. С. Аксакова, а в особенности для его старшего брата, К. С. Аксакова, государство выступает началом «правды внешней», противопоставляемой «правде внутренней», носителем которой является «Земля», а ее сознательным/осознающим выражением — «общество». Т. е. для воплощения «общего блага» государство в этих рамках не является обязательным, равно как и отождествить государство со «справедливостью» возможно для братьев Аксаковых лишь при условии понимания под нею только «справедливости формальной». Самодержец в рамках славянофильских теоретических построений необходим как привнесение личного, морального начала в принципиально аморальное государство. Он как глава — и Земский собор как призываемая на совет «Земля» — выступают негосударственными началами, делающими государство справедливым по существу, вопреки справедливости формальной, оборачивающейся *summa injuria* (см.: Тесля, 2014: 80–99).

бровольное самообложение) и к общему благу. В статье «О древней московской городской полиции» («Москвитянин», 1851) Лешков пишет:

«Государственная полиция имеет дело с общими вопросами целого народа, с его интересами материальными и моральными, которые вызываются не тою или другою личностью, не тою или другою местностью, а самую природою человека. Эти вопросы и интересы можно основать на общих потребностях и убеждениях целого населения; их можно решить по общим началам в форме государственных законов. <...> Городское управление и городская полиция имеют задачу осуществление потребностей и целей частных, местных; городская полиция не имеет дела с началами общими, занимается отдельными фактами или явлениями народной жизни, которые встречаются в стенах и черте города» (Лешков, 1851: 2–3).

В этом раннем тексте вся активность пока еще принадлежит государству, пространство «общественного права» касается лишь вопросов исполнения общих начал — применения их к местности: «Вообще деятельность городской полиции есть только исполнительная деятельность, состоящая в сознании того, что законом в городе установлено, и в сохранении того, что законом установлено. Изменение или развитие данного состояния — вне сферы городской полиции, превышает ее силы, власть и право, — принадлежит полиции государственной» (Лешков, 1851: 3). Последующий ход развития мыслей Лешкова характеризовался дистанцированием от понятий «полиция» и «полицейское право», которые заменяются понятием «общественное право» как пространства не только «исполнительной деятельности», но и самостоятельной активности, в том числе самостоятельного нормотворчества⁹. Изучению этих самостоятельных, не данных государством, но выработанных самими «союзами» норм в их истории и посвящен трактат «Русский народ и государство», где понятие «общественное право» раскрывается следующим образом: «...права обществ или общества относительно государства и... права частных лиц относительно общества и государства, с обоюдными обязанностями» (Лешков, 1858: 16).

Отсюда же изменение терминологии — Лешков целенаправленно использует понятие «государственное право» вместо более привычного и распространенного «права публичного»: публичная сфера оказывается не только гораздо шире государственной, но и принципиально поделена на области *политической* и *неполитической* публичной жизни. Радикальная деполитизация общественной сферы позволяет Лешкову последовательно утверждать совместимость земства (и потенциальное расширение его прав) с самодержавной монархией — рассуждения, характерные для славянофильского направления (Цимбаев, 1986: 162–164; Тесля, 2015:

9. В 1874 году Лешков, характеризуя то, что он называет «средним» периодом русской истории — от Петра I до Александра II, пишет: «Все, что называется правом, с Петра В[еликого] становится государственною функциею и даром или подарком правительства, выразившимся в его актах, уставах, регламентах, жалованных грамотах, плакатах, указах, тысячами и десятками тысяч наполняющих собою наше собрание законов» (Лешков, 1874: 17).

296–297). В результате образуется триадическая структура права, представленная в таблице 1.

Таблица 1
Структура права (Лешков, 1858)

Гражданское право	Общественное право	Государственное право
«Гражданское [право] определяет отношения, возникающие между отдельными лицами».	«...общественное [право] занимает среднее положение [между гражданским и государственным], устанавливая отношения частных лиц к их союзам и каждого из этих союзов к целому обществу, к государству».	«...государственное [право] узаконяет отношения всех составных элементов государства к верховной власти и к правительству».

Вопрос о субъектах общественного права раскрывается следующим образом: ими

«являются прежде всего семейства, общины, сословия, вообще органические соединения, представляющие собою весь народ и все население, все общество, к которому частные лица принадлежат не отдельными своими действиями, а всею жизнью, и от которого получают не одно гражданское, а полное человеческое значение. Так, monstra, portent, embryones, незаконнорожденные, нищие, сумасшедшие, арестанты, не имеющие вовсе, или многих прав в быту гражданском, восстанавливаются во возможных правах человеческих по Праву Общественному. Общества имеют права только для сообщения их своим членам. <...> Ясно, что права, входящие в состав Общественного права, в сравнении с другими, должны иметь другой характер и другое более высшее значение. Характер этих прав не может быть выражен понятием собственности, а разве понятием владения, хотя это владение вечно и неизменно, как оно не бывает в частном праве. Например, нет города без земли; каждый город должен иметь землю, но по этой же причине право города на его землю исключает существенный признак права собственности — право отчуждения. То же должно сказать и о других правах общин и обществ, которые все суть только владельцы, пользующиеся настоящим, под условием сохранить и развить предметы права для будущих поколений» (Лешков, 1858: 17–18).

Теория «общественного права» в русской юридической науке второй половины 1850-х — начала 1870-х не встречает серьезного академического сопротивления. Это связано и с тем обстоятельством, что дисциплина «полицейское право» понималась тогда весьма разнородно и широко. Так, Н. Х. Бунге, в те годы профессор полицейского права в Университете Св. Владимира, под полицейским правом понимал практическое применение политической экономии (Старилов, 1999: 95), служащей основанием теории управления¹⁰.

10. В вводной части курса «Полицейского права» он пишет: «полицейское право в обширном смысле имеет двойственное содержание: оно заключает в себе постановления, относящиеся и к благосостоянию (законы благоустройства), и к безопасности (законы благочиния); последние составляют предмет полицейского права в тесном смысле (Штейн). Основные начала обоих отделов полицейского

Полемика с И. Е. Андреевским

Появление фундаментального курса «Полицейского права» (1871–1872) Ивана Ефимовича Андреевского (1831–1891) принципиально меняет ситуацию, поскольку является одновременно сильной теоретической заявкой, подкрепленной соответствующим институциональным положением¹¹. Андреевский предлагает теорию существующего позитивного полицейского права, что выгодно отличается, с одной стороны, от разведения позитивного права и политической экономии у Бунге и сторонников подобного рода воззрений, а с другой — от нацеленной, скорее, на построение проекта должного устройства «общества» и его отношений с «государством» теории Лешкова, преимущественно апеллирующей к историческому материалу. Если угодно, Андреевский предлагает эффективную теорию «среднего уровня» такого рода, что ее эффективность непосредственно очевидна для практики.

Лешков демонстрирует необычную для него скорость реакции, свидетельствующую о понимании угрозы: рецензия на первый том курса Андреевского появилась уже в 1871 году, в «Беседе», издаваемой А. И. Кошелевым (кн. IV), а затем, в 1873 году, после выхода второго, заключительного, тома Лешков опубликовал развернутую рецензию на все сочинение Андреевского. В близкой к Лешкову «Беседе» в 1871 году вышла и небольшая заметка Носа, также весьма критическая по отношению к «Курсу». Впрочем, реакцию Лешкова можно отчасти объяснить и тем, что в очерке истории науки полицейского права в России Андреевский не преминул весьма резко отозваться о главном его труде, к тому же поменяв при описании заголовка с подзаголовком местами (в результате в курсе Андреевского работа

права — благоустройства и благочиния — представляют существенные отличия. *Благоустройство составляет прикладную часть политической экономии; благочиние есть часть государственного права, относящаяся к охранению порядка и безопасности как общества, так и отдельных лиц* (выделено мной. — А. Т.). Постановления первого, т. е. благоустройства, отличаются положительным, второго, т. е. благочиния, по преимуществу, отрицательным характером. При всем том оба отдела полицейского права имеют много общего между собою. Во-первых, оба имеют один общий источник, из которого они извлекают свои основные положения, — именно общественные отношения, сложившиеся исторически в различных областях человеческой деятельности. Во-вторых, законы, которыми определяются эти отношения, установлены и ради благосостояния, и ради безопасности. Так, устройство промышленности, рассчитанное на усиление производства и на справедливое вознаграждение производителей, немисливо без охранения жизни, имущества и здоровья трудящихся; равным образом меры чисто полицейские имеют нередко хозяйственное значение, обеспечивая или стесняя свободное распоряжение трудом и капиталом, — примером могут служить законы о работе на фабриках, законы о паспортах и пр. Наконец, в-третьих, *оба отдела полицейского права пытаются установить отношение между деятельностью государственной или общественной власти и частных лиц. При этом последователи различных направлений в политической экономии и в праве полагают условием благосостояния и безопасности или назначение известных границ, как для общественной власти, так и для свободной личности, или же — возможно большее преобладание или той, или другой стихии* (выделено мной. — А. Т.)» (Бунге, 1869: 2–3).

11. Андреевский в это время является профессором полицейского права Санкт-Петербургского университета, он был учеником П. Д. Калмыкова и К. А. Неволлина, ведущих российских юристов, тесно связан с правительственными законодательными работами, в дальнейшем, с 1883 по 1887 год, будет ректором Санкт-Петербургского университета.

Лешкова именуется как «История русского общественного права до XVIII в.: русский народ и государство»):

«В этом обширном сочинении профессора Лешкова не имеется, строго говоря, истории общественного права, и не совершенно ясно изложены воззрения автора на понятие, соединяемое им с названием общественного права и отличие его от полицейского права, но представляется обширный анализ некоторых условий безопасности и благосостояния в древней России. В особенности период, когда господствовали начала Русской правды, представляет весьма любопытную работу г. Лешкова. Если и можно не соглашаться с воззрениями автора относительно крайне выгодного развития всех условий безопасности и благосостояния в этот древнейший период, то нельзя отказать ему в важности многих объяснений строя древней русской общины и тех обеспечений, которые представляло ее существо относительно многих условий безопасности и благосостояния. Нельзя сказать того же о рассмотрении последующего периода. Хотя и здесь материал собран обширный, но недостаточный для выполнения поставленной автором задачи. Оттого для достижения своей цели некоторые факты и доказательства берутся опять из той же русской правды, для некоторых вопросов захватывается законодательство Елисаветы Петровны и Екатерины II, а не приводятся меры Петра I; для некоторых вопросов берутся объяснения из иностранных законодательств, для других автор обходится и без этих сравнений. Разбивая этот период на два отдела, из коих в первом рассматривается история законов, называемых автором установительными, а во втором история охранительных законов, автор далеко не выдерживает установленной им системы. В своей истории установительных законов этого периода г. Лешков говорит о народонаселении, о поземельном праве о средствах сношений, о праве промышленности, как праве деятельности сословий в древней России, о праве образования или об условиях народного просвещения. По отношению к большинству этих вопросов автор высказывает положения, которых, конечно, не доказывает, потому что таковых условий не было; напр. находит ремесленные цехи, которых у нас до Петра I не существовало; желает убедить, что образование находилось на значительной степени развития, что женщина пользовалась большим значением в обществе и т. п. Точно так же и в отделе втором этого периода, где излагается история охранительных законов, автор стремится представить жизненные условия в несравненно благоприятнейшем виде, чем представляет их действительная история своими точными фактами. Но и в этом отделе многие положения, собранные автором, особенно относительно права публичности слова и письма и общественного призрения бедных, заслуживают полного внимания» (Андреевский, 1874).

Основное направление своего критического удара Лешков и в рецензии 1871-го, и в развернутой рецензии 1873 года сосредотачивает на понимании Андреевским «полицейского права», как оно дано в его определении:

«Для жизни человека, для развития его способностей и возможности достижения его человеческих целей необходимы известные условия: между ними главнейшее место занимают безопасность и благосостояние. Условие

безопасности обеспечивается предупреждением и пресечением опасностей, могущих грозить как от злой воли других людей, так и от сил природы и различных несчастных случаев. Условие благосостояния достигается возможностью приобрести и пользоваться известным количеством благ материальных и, кроме того, возможностью достигать известного развития духовного. Для создания таких условий недостаточно отдельных, единичных сил человека: необходима совокупная деятельность людей; такая деятельность является в государстве. Такая деятельность целого государства (отдельных лиц, союзов, общества и правительства) есть деятельность полицейская в обширном смысле. Полицейская деятельность в тесном смысле, т. е. полицейская деятельность правительства, заключается в наблюдении за предприятиями частных лиц, союзов и обществ и в принятии со своей стороны мер для обеспечения известных условий при недостаточности частной и общественной деятельности» (Андреевский, 1871: 1).

Лешков находит противоречие между этим определением и содержанием курса, отмечая:

«Переходя к деятельности, которую [согласно Андреевскому] совершается и дело безопасности, и дело благосостояния, мы настаивали, что *такая деятельность должна принадлежать человеку, и только человеку, отдельно ли взятому или в союзе человеческого общества, но не полиции* (выделено мной. — А. Т.), иначе придется и отца семейства, и служителя алтаря, и ученого, и художника назвать полицейскими агентами, что нелепо» (Лешков, 1873: 3–4).

Далее он указывает на отсутствие субъектов, по его мнению, составляющих непреходящую часть учения об общественном/полицейском праве: разбор первого тома (вышедший в «Беседе» в 1871 г.)

«мы заключили надежду, что автор, упоминающий здесь об обществах — о семье, общине, земстве, народе, наконец обратит на него внимание, подвергнет его изучению и сделает вывод, что все человеческое совершается человеком и человеческим обществом, в отличие от всего гражданского, совершаемого гражданином, с его союзами, и от всего государственного, достигаемого государством, или правительством» (Лешков, 1873: 4).

Вопрос о субъектах предстает как ключевой вопрос, с точки зрения Лешкова, — если «полицейское право» выступает как направленное на общество, но не имеющее общество своим субъектом, то именно этот, на взгляд Лешкова, принципиальный недостаток и преодолевает конструируемое им право общественное:

«...безопасность и благосостояние, по автору, составляют предмет его Полиц[ейского] Права. Чья же это безопасность и чье благосостояние ведает полиция? Чью безопасность и чье благосостояние ведает полиция так, что это становится ее полицейским правом? Разумеется, безопасность и благо-

состояние народа, населения страны, потому что государственная безопасность, а за нею и государственное благосостояние должно составлять ведомство и право государства. Это бесспорно. Что делать полиции с Хивой? Но в таком случае можно спросить, почему же безопасность народа и его благосостояние могут быть делом и правом населения, а должны войти в полицейское право? Поставим вопрос, как он ставится на суде: кому принадлежит право устроить безопасность и благосостояние населения, полиции ли или самому населению? И есть ли это право полицейское или общественное, земское? Основания для решения такого вопроса известны: нужно доказать: а) потребность претендующего, б) его инициативу или приобретение и в) совершение или владение и пользование делом. Если мы говорим о безопасности и благосостоянии населения, то, конечно, убеждены, что этой безопасности и этого благосостояния требует население, которого благосостояние немислимо среди возможных опасностей и которого безопасность дорога ему именно пропорционально его благосостоянию» (Лешков, 1873: 6).

Ответ был дан Андреевским в предисловии к новому изданию курса — по своим формулировкам закрывая всякую возможность полемики, предоставляя лишь возможность радикального выбора — интерпретация дисциплины, либо предложенная Андреевским, либо Лешковым, поскольку спорить им, как констатировал первый, не о чем:

«Как ни лестно для меня внимание г. Лешкова к моей книге, но, к сожалению, я не мог и теперь воспользоваться ни одним из его замечаний. Все возражения г. профессора полицейского права *Лешкова* вытекают из того, что он не признает науки полицейского права. Я вполне понимаю трагическое его положение: занимать кафедру полицейского права и не признавать этой науки. Отсюда уже логически вытекает, что все касающееся полицейского права, а потому и мое сочинение, представляется почтенному профессору невозможным. Все его замечания строятся на главном его недоумении, зачем я излагаю полицейское право, а не общественное, которое он желал бы найти в моей книге. Но я и не имел намерения писать общественного права. Изучение общества делает большие успехи и слагаются элементы той науки, которая в будущем, может быть, и будет носить название общественного права, но содержание которой, вероятно, не будет совпадать с тем представлением, которое создает себе об общественном праве почтенный профессор.

Приступая ко второму изданию полицейского права, я перебрал все замечания г. Лешкова для проверки моих коренных оснований, и остаюсь им верным. Таким образом я сохранил во втором издании все главные положения, равно как и прежнюю систему» (Андреевский, 1874: III–IV).

«Нормализация» a la'Kuhn

Последующая судьба «общественного права» Лешкова развивалась как иллюстрация перехода к «нормальной науке» в понимании Томаса Куна (Кун, 2003: 34–62). По мере того как определяются «классика» и канон понимания «научности» в дан-

ной области, что протекает одновременно как маргинализация иных подходов и концепций, рассматривавшихся на предшествующих стадиях как полноправные альтернативы, включение в парадигму происходит благодаря работе с учебником и с современными научными текстами, а не с текстами, относящимися к истории данной науки.

В случае с Лешковым легко выделить три варианта, соответствующие трем стадиям (учитывая скорость протекания процесса, эти три варианта накладываются друг на друга, не целиком сменяясь, но общая тенденция, на наш взгляд, совершенно очевидна):

1) В первых по времени работах — в курсе самого Андреевского и в ряде учебных изданиях упоминание Лешкова включается в изложение истории научной разработки дисциплины — в раздел, следующий за обзором европейских направлений, озаглавленный обычно «Полицейское право в России» (Беляевский, 1915).

2) И. Т. Тарасов в «Очерке науки полицейского права» (1897) исключает изложение взглядов Лешкова и его сторонников из общего очерка развития науки полицейского права в России, отводя им отдельный параграф («Учение об общественном праве»; см.: Старилов, 1999: 148, 155–157). Промежуточный вариант представлен в «Основных началах административного права» А. И. Елистратова (1-е изд. — М., 1914; 2-е изд. — М., 1917), который упоминает Лешкова и Шпилевского, характеризуя работу первого как «совершенно оригинальную попытку», и легитимирует свое обращение к их работам, квалифицируя теорию Лешкова как «опережение опыта Рёслера» (Старилов, 1999: 427).

3) В учебнике же, например, В. В. Ивановского («Учебник административного права (Полицейское право. Право внутреннего управления)», 3-е изд., Казань, 1908) при изложении развития науки полицейского права в России о Лешкове уже вовсе не упоминается. Вводится развернутая справка о сравнительно недавней работе Шпилевского (который в данном случае «заменяет» Лешкова), при этом она интерпретируется исключительно как проекция современной ему работы Рёслера — всякая связка Шпилевского с Лешковым из текста оказывается устраненной (Старилов, 1999: 318–319).

Особенно любопытна судьба «учебных» интерпретаций работы М. М. Шпилевского (1837–1883), автора исследования «Полицейское право как самостоятельная отрасль правоведения» (Шпилевский, 1875), защищенной им в качестве докторской диссертации в Московском университете, т. е. у В. Н. Лешкова. В этой работе, посвященной обоснованию понятия общества как субъекта Шпилевский, в частности, отмечает, что «общественное право настоящего времени, в отличие от полицейского или административного права, есть право общества на развитие и охранение его интересов при содействии и под надзором правительства». Примечательно, что если И. Т. Тарасов еще указывает на связь положений Шпилевского с взглядами Лешкова (Старилов, 1999: 148, 156–157), то Ивановский говорит о Шпилевском, помещая его исключительно в немецкий контекст, а Елистратов трактует уже самого Лешкова именно как предшественника Рёслера (Старилов,

1999: 319, 427). Тем самым к первым десятилетиям XX века, когда подход к пониманию «полицейского права», предложенный Андреевским, стал «нормальным» в куновском смысле, Лешков «выпадает» из поля зрения юристов, не вписываясь в прямолинейную «генеалогию» «науки полицейского права в России» и становясь «маргиналей» или в лучшем случае примечательным «казусом». И сейчас интерес, проявляемый некоторыми авторами к теоретическим построениям Лешкова, весьма далек от конвенций юридического знания (см., напр.: Биюшкина, 2011; Васильев, 2012).

Литература

- Андреевский И. Е.* (1871). Полицейское право. Т. I: Полиция безопасности. СПб.: Типография Эд. Праца.
- Андреевский И. Е.* (1874). Полицейское право. Т. I: Введение. Часть I: Полиция безопасности. 2-е изд. СПб.: Типография Эд. Праца.
- Беляевский Н. Н.* (1915). Полицейское право (административное право). Петроград: Екатеринбургское печатное дело.
- Бестужев-Рюмин К. Н.* (1872). Русская история. Т. I. СПб.: Издание Д. Е. Кожанчикова.
- Биюшкина Н. И.* (2011). Становление российской науки полицейского права (XVII век — 80-е годы XIX века) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД. 2011. № 1. С. 11–14.
- Бунге Н. Х.* (1869). Полицейское право: курс, читанный в Университете Св. Владимира. Киев: Типография Императорского Ун-та Св. Владимира.
- Василенко Н. П.* (1904). О. М. Бодянский и его заслуги для изучения Малороссии. Киев: Типография Императорского Ун-та Св. Владимира.
- Васильев А. А.* (2012). Концепция общественного права российского традиционализма как альтернатива дихотомии права на частное и публичное // Общество и право. 2012. № 5. С. 51–55.
- Гласко Б.* (1914). Лешков, Василий Николаевич // Русский биографический словарь. Т. X: Лабзина — Ляшенко. СПб.: Тип. Главного Управления Уделов. С. 364–367.
- Гольцев В. А.* (1881). [Некролог В. Н. Лешкову]. М.
- Каплин А. Д.* (2010). Предисловие // *Лешков В. Н.* Русский народ и государство / Сост. А. Д. Каплин; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации.
- Ключевский В. О.* (1990). Сочинения. Т. IX: Материалы разных лет / Под ред. В. Л. Янина. М.: Мысль.
- Коялович М. О.* (1997). История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск: Лучи Софии.
- Кун Т.* (2003). Структура научных революций. М.: АСТ.
- Лешков В. Н.* (1841). Историческое исследование начал нейтралитета по отношению к морской торговле. М.: Университетская типография.

- Лешков В. Н. (1851). О древней московской городской полиции: исторические известия. М.
- Лешков В. Н. (1858). Русский народ и государство: история русского общественного права до XVIII века. М.: Университетская типография.
- Лешков В. Н. (1865). Опыт теории земства. М.: Университетская типография.
- Лешков В. Н. (1868). Человек в области права. М.: Университетская типография.
- Лешков В. Н. (1872). О праве самостоятельности как основе для самоуправления. М.: Университетская типография.
- Лешков В. Н. (1873). Критика. Полицейское право г. Андреевского, профессора С.-Петербургского университета. Т. I: Полиция безопасности, 1871 г. Полиция благосостояния, 1873 г. М.: Университетская типография.
- Лешков В. Н. (1874). Наша средняя история общественного права с Петра Великого: ее характер и разделение. М.: Университетская типография.
- Лешков В. Н. (2004). Русский народ и государство: история русского общественного права до XVIII века. СПб.: Юридический центр.
- Лешков В. Н. (2010). Русский народ и государство / Сост. А. Д. Каплина; отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации.
- Муромцев С. А. (1881). [Некролог В. Н. Лешкову]. М.
- Никитенко А. В. (1956). Дневник. Т. 3: 1866–1877 / Подг. И. Я. Айзенштоком. М.: ГИХЛ.
- Петров Ф. А. (2003). Формирование системы университетского образования в России. Т. 4: Российские университеты и люди 1840-х годов. Часть I: Профессура. М.: Изд-во Московского ун-та.
- Попов Н. А. (Ред.). (1879). Письма к М. Н. Погодину из славянских земель (1835–1861) // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете. Кн. I: Генварь — Март. М.: Университетская типография.
- Стасов В. В. (1952). Училище правоведения сорок лет тому назад // Стасов В. В. Избранные сочинения. Т. II. М.: Искусство. С. 299–390.
- Старилов Ю. Н. (Сост.). (1999). Российское полицейское (административное) право: конец XIX — начало XX века: Хрестоматия. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та.
- Татищев С. С. (1996). Император Александр II, его жизнь и царствование. Кн. 1. М.: Чарли.
- Тесля А. А. (2014). Первый русский национализм... и другие. М.: Европа.
- Тесля А. А. (2015). «Последний из „отцов“»: биография Ивана Аксакова. СПб.: Владимир Даль.
- Цимбаев Н. И. (1986). Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М.: Изд-во Московского ун-та.
- Чичерин Б. Н. (2010). Воспоминания: Московский университет. Земство и Московская дума. М.: Изд-во им. Сабашниковых.

Шевырев С. П. (Ред.). (1855). Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета, за истекающее столетие, со дня учреждения Января 12-го 1755 года, по день Столетнего юбилея Января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 году, и расположенный по азбучному порядку. Ч. I. М.: Университетская типография.

Шпилевский М. М. (1875). Полицейское право как самостоятельная отрасль право-ведения. Одесса: Типография Ульриха и Шульце.

Янжул И. И. (2002). Основные начала финансовой науки: учение о государственных доходах. М.: Статут.

Vasily Ivanovich Leshkov and His Theory of the “Social Law” as an Attempted Alternative to the “Police Law”

Andrey Teslya

Associate Professor, Pacific National University

Address: Tihookeanskaya str., 136, Khabarovsk, Russian Federation 680035

E-mail: mestr81@gmail.com

University of Moscow Professor Vasily Leshkov constructed a theory of “social law” in the 1850s to provide an alternative theory to “police law”. He intended to go beyond the opposition between private and public law. Following German legal scholars, (most notably, The German Historical School of Law, he introduced a triadic distinction of civil, social, and state laws. This distinction enabled him to break the identification of public with political (polis). He described the sphere of “social law” as a “foundation for self-governance”. At the same time, Leshkov distinguished between political and non-political publicity, and thus showed the compatibility of self-governance with autocracy. His numerous publications in influential Russian magazines (“Russkiy Vestnik”, “Russkaya Beseda”, “Den” etc.) indicate the increasing popularity of his views at the end of the 1850–60s. Within the academic system of that time, his ideas belonged to the vague discipline of “police law”. This belonging rapidly changed from the early 1870s when the discipline underwent doctrinal and institutional framing. “Police law” became a part of a conceptual model elaborated by Ivan Andreevskiy, whose debates with Leshkov are analyzed in my paper in order to describe their general views. While Andreevskiy’s model gained prominence, Leshkov’s views gradually became marginalized by the 1890–1910’s. The paper describes this process through the analysis of the appropriate teaching materials.

Keywords: public law, political, police law, public, self-governance, private

References

- Andreevsky I. (1871) *Policejskoe pravo. T. 1: Policija bezopasnosti* [Police Law, Vol. 1: Security Police], Saint-Petersburg: Tipografija Ed. Pratzka.
- Andreevsky I. (1874) *Policejskoe pravo. T. 1: Vvedenie. Chast' I: Policija bezopasnosti* [Police Law, Vol. 1: Introduction, Part 1: Security Police], Saint-Petersburg: Tipografija Ed. Pratzka.
- Belyaevski N. (1915) *Policejskoe pravo (administrativnoe pravo)* [Police Law (Administrative Law)], Petrograd: Ekateringofskoe pechatnoe delo.

- Bestuzhev-Ryumin K. (1872) *Russkaja istorija. T. 1* [Russian History, Vol. 1], Saint-Petersburg: Izdanie D. E. Kozhanchikova.
- Bijushkina N. (2011) Stanovlenie rossijskoj nauki policejskogo prava (XVII vek — 80-e gody XIX veka) [Russian Science of Police Law in the Making, 1600–1880s]. *Juridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD*, no. 1, pp. 11–14.
- Bunge N. (1869) *Policejskoe pravo: kurs, chitannyj v Universitete Sv. Vladimira* [Police Law: Course at the University of Saint Vladimir], Kyiv: Tipografija Imperatorskogo Universiteta Svjatogo Vladimira.
- Chicherin B. (2010) *Vospominanija: Moskovskij universitet, Zemstvo i Moskovskaja дума* [Reminiscences: Moscow University, Zemstvo and Moscow Duma] (ed. S. Bahrushin), Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovyh.
- Glasko B. (1914) Leshkov, Vasilij Nikolaevich [Vasilij Nikolaevich Leshkov]. *Russkij biograficheskij slovar'*. T. X: Labzina — Ljashenko [Russian Biographical Dictionary, Vol. 10: Labzina — Ljashenko], Saint-Petersburg: Tipografija Glavnogo Upravlenija Udelov, pp. 364–367.
- Goltsev V. (1881) [Nekrolog V. N. Leshkovu] [V. N. Leshkov, Obituary]. Moscow.
- Janzhul I. (2002) *Osnovnye nachala finansovoj nauki: Uchenie o gosudarstvennyh dohodah* [The Principles of Financial Science: The Doctrine of State Income], Moscow: Statut.
- Kaplin A. (2010) Predislovie [Preface]. Leshkov V. *Russkij narod i gosudarstvo* [Russian Nation and State] (eds. A. Kaplin, O. Platonov), Moscow: Institut russkoj civilizacii.
- Klyuchevskij V. (1990) *Sochinenija. T. IX: Materialy raznyh let* [Collected Works, Vol. 9: Writings of Different Years] (ed. V. Yanina), Moscow: Mysl'.
- Kojalovich M. (1997) *Istorija russkogo samosoznanija po istoricheskim pamjatnikam i nauchnym sochinenijam* [The History of Russian Self-Consciousness According to Historical Monuments and Scholarly Works], Minsk: Luchi Sofii.
- Kuhn T. (2003) *Struktura nauchnyh revolucij* [The Structure of Scientific Revolutions], Moscow: AST.
- Leshkov V. (1841) *Istoricheskoe issledovanie nachal nejtraliteta po otnosheniju k morskoi torgovle* [A Historical Study of the Beginning of Neutrality in Relation to Sea Trade], Moscow: Universitetskaja tipografija.
- Leshkov V. (1851) *O drevnej moskovskoj gorodskoj policii: istoricheskie izvestija* [On the Ancient Moscow City Police: Historical News], Moscow.
- Leshkov V. (1858) *Russkij narod i gosudarstvo: istorija russkogo obshhestvennogo prava do XVIII veka* [Russian Nation and State: The History of Russian Public Law before 18th century], Moscow: Universitetskaja tipografija.
- Leshkov V. (1865) *Opyt teorii zemstva* [Essay on the Theory of Zemstvo], Moscow: Universitetskaja tipografija.
- Leshkov V. (1868) *Chelovek v oblasti prava* [Man in the System of Law], Moscow: Universitetskaja tipografija.
- Leshkov V. (1872) *O prave samostojatel'nosti kak osnove dlja samoupravlenija* [On the Right of Autonomy as a Foundation of Self-Governance], Moscow: Universitetskaja tipografija.
- Leshkov V. (1873) *Kritika. Policejskoe pravo gospodina Andreevskogo, professora Sankt-Peterburgskogo universiteta. T. 1: Policija bezopasnosti, 1871 goda. Policija blagosostojanija, 1873 goda* [Critical Review. Police Law of Professor of the Saint-Petersburg University Mr. Andreevskij, Vol. 1: Security Police, 1871, Police of Welfare, 1873], Moscow: Universitetskaja tipografija.
- Leshkov V. (1874) *Nasha srednjaja istorija obshhestvennogo prava s Petra Velikogo: ee harakter i razdelenie* [Our Middle History of Public Law from Peter the Great: Its Nature and Differentiation], Moscow: Universitetskaja tipografija.
- Leshkov V. (2004) *Russkij narod i gosudarstvo: istorija russkogo obshhestvennogo prava do XVIII veka* [Russian Nation and State: The History of Russian Public Law before 18th century], Saint-Petersburg: Juridicheskij centr Press.
- Leshkov V. (2010) *Russkij narod i gosudarstvo* [Russian Nation and State] (eds. A. Kaplin, O. Platonov), Moscow: Institut russkoj civilizacii.
- Muromtsev S. (1881) [Nekrolog V. N. Leshkovu] [V. N. Leshkov, Obituary], Moscow.
- Nikitenko A. (1956) *Dnevnik. T. 3: 1866–1877* [Diary, Vol. 3: 1866–1877] (ed. I. Ajzenshtoka), Moscow: GIHL.

- Petrov F. (2003) Formirovanie sistemy universitetskogo obrazovanija v Rossii. Tom 4: Rossijskie universitety i ljudi 1840-h godov. Chast' I: Professura [System of University Education in Russia in the Making, Vol. 4: Russian University and People in 1840s. Part I: Academic Professors], Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Popov N. (ed.) (1879) Pis'ma k M. N. Pogodinu iz slavjanskih zemel' (1835–1861) [Letters to M. Pogodin from Slavic Territories]. *Chtenija v Imperatorskom Obshhestve Istorii i Drevnostej Rossijskih pri Moskovskom universitete. Kn. I: Genvar' — Mart* [Readings of the Imperial Historical Society of Russian Antiquity at the Moscow University, Book 1: January — March], Moscow: Universitetskaja tipografija.
- Shevyrev S. (ed.) (1885) *Biograficheskij slovar' professorov i prepodavatelej Imperatorskogo Moskovskogo universiteta. Ch. 1* [Biographical Dictionary of Professors and Lecturers of Imperial Moscow University, Part 1], Moscow: Universitetskaja tipografija.
- Stasov V. (1952) Uchilishhe pravovedenija sorok let tomu nazad [The Law College 40 Years Ago]. *Izbrannye sochinenija. T. 2* [Selected Writings, Vol. 2], Moscow: Iskusstvo, pp. 299–390.
- Starilov Y., (ed.) (1999) Rossijskoe policejskoe (administrativnoe) pravo: konec XIX — nachalo XX veka: Hrestomatija [Russian Police (Administrative) Law: End of 19th — Beginning of 20th Centuries: A Reader], Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Tatishchev S. (1996) *Imperator Aleksandr II, ego zhizn' i carstvovanie. Kn. 1* [Emperor Alexander II, His Life and Reign, Vol. 1], Moscow: Charli.
- Teslya A. (2014) *Pervyj russkij nacionalizm... i drugie* [The First Russian Nationalism... and Others], Moscow: Evropa.
- Teslya A. (2015) "Poslednij iz 'otcov'": biografija Ivana Aksakova ["The Last of 'Fathers'": Ivan Aksakov's Biography], Saint-Petersburg: Vladimir Dal'.
- Tsimbaev N. (1986) *Slavjanofil'stvo: iz istorii russoj obshhestvenno-politicheskoj mysli XIX veka* [Slavophilism: From the History of Social and Political Thought of 19 century], Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Shpilevsky M. (1875) *Policejskoe pravo kak samostojatel'naja otrasl' pravovedenija* [Police Law as a Branch of Legal Studies], Odessa: Tipografija Ulricha i Schultze.
- Vasilenko N. (1904) *O. M. Bodjanskij i ego zaslugi dlja izuchenija Malorossii* [O. M. Bodjansky and His Contribution to the Study of Malorossia], Kyiv: Tipografija Imperatorskogo Universiteta Svjatogo Vladimira.
- Vasiliev A. (2012) Konceptija obshhestvennogo prava rossijskogo tradicionalizma kak al'ternativa dihotomii prava na chastnoe i publicnoe [The Concept of Social Law in the Russian Traditionalism as an Alternative to the Dichotomy between Private and Public Law]. *Obshhestvo i pravo*, no. 5, pp. 51–55.